

С. А. Мусинъ-Пушкинъ.

ОЧЕРКИ

МОЛОЖСКАГО УЪЗДА.

Ярославль.

Типолитографія Губернской Земской Управы.

1902.

ОЧЕРКИ

МОЛОЖСКАГО УЪЗДА.

Введение.—Разнообразіе уѣзда въ топографическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.—Порубежный характеръ Моложскаго уѣзда.—Топографія, орографія и гидрографія.—Геологическій очеркъ.—Измѣненія русла рѣкъ.—Желательность регулированія, устройства канализаціи и орошенія.—Роль земства по исполненію этихъ предположеній.—Почва.—Растительность.—Климатъ.—Вліяніе топографическихъ и географическихъ условій на занятія и характеръ населенія.—Отхожіе промыслы въ сѣверо-восточной части уѣзда.—Земледѣліе въ юго-западной части уѣзда.—Отхожіе промыслы въ той-же части уѣзда.—Кустарный промыселъ тамъ-же.—Этнографическій очеркъ.—Историческія данныя о племенномъ составѣ.—Филологическія данныя.—Племенной составъ нынѣшняго населенія.—Колонизація.—Происхожденіе „ситскарей“.—Исторія края.—Древнѣйшія письменныя свидѣтельства.—Археологическія свидѣтельства.—Лѣтописныя свидѣтельства.—Битва на рѣкѣ Сити.—Гдѣ происходила бой?—Происхожденіе названія села Некрузъ.—Исторія Моложскаго края послѣ нашествія татаръ.—Ярмарка Холодняго Городка.—Расколъ и сектанство.—Петръ I и его отношенія къ Моложскому краю.—Послѣпетровская эпоха.—Знаменитые мологжане.—Замѣтныя измѣненія въ характерѣ края и его будущность.—Заключеніе.

I.

Характерной особенностью Моложскаго уѣзда является крайнее разнообразіе его отдѣльныхъ частей, что объясняется: 1) разобщенностью окраинъ уѣзда въ географическомъ отношеніи, по причинѣ прохожденія серединою уѣзда разрѣзающихъ его рѣчныхъ системъ; 2) различіями въ отношеніи склона и устройства поверхности, согласно образованія напластованій и почвъ, и 3) этническою нестротою населенія.

Моложскій уѣздъ можно назвать по существу уѣздомъ порубежнымъ, — мѣстностью, въ которой соприкасались чуждыя другъ-другу и разнообразныя вліянія.

Въ географическомъ отношеніи здѣсь находится грань между послѣдними, самыми сѣверо-восточными, террасами Валдайской возвышенности (у древнихъ географовъ называемой Великою плоскою возвышенностью Алаунской) и первыми увалами сѣверо-востока, идущими отъ Уральскихъ горъ черезъ Вологодскую и Костромскую губерніи. Въ корытообразной лощинѣ, образуемой этимъ сосѣдствомъ, въ доисторическую пору послѣледниковаго періода устремлялся отъ сѣверной Скандинавіи въ юго-восточномъ направленіи (къ мѣстности у Нижняго-Повгорода) великій потокъ, слѣды котораго

замѣтны въ мощныхъ напластованіяхъ глины съ валунными отложеніями эратическихъ камней, послѣднимъ остаткомъ котораго являются системы Финляндскихъ озёръ, Ладожское и Онежское озёра, р.р. Молога, Шексна и среднее теченіе Волги.

Стоитъ взглянуть на подробную гидрографическую карту Финляндіи и страны «великихъ озёръ», чтобы убѣдиться въ вѣрности этой гипотезы. Цѣлый рядъ мелкихъ озёръ лежитъ сѣткой параллельныхъ линій; каждое изъ нихъ вытянуто по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ; лоцѳонная карта озёръ Ладожскаго и Онѣжскаго показываетъ, что наибольшія глубины вытянуты по тому-же направленію; главное теченіе Мологи, Шексны и Волги отъ Рыбинска до Нижняго также близко къ этимъ параллельнымъ линіямъ. Общее впечатлѣніе таково, что кажется этимъ краемъ прошла гигантская борона и прочертила рядъ ровно идущихъ бороздъ.

Роль такой бороны въ ледниковый періодъ сыграли могучіе глетчеры, ледники, скользившіе собственною тяжестью со Скандинавской возвышенности въ указанномъ направленіи, пропахивавшіе русла будущимъ рѣкамъ и ложе озёрамъ, отлагавшія полосы залежей валунной глины и гряды параллельно тянущихся эратическихъ камней.

Многими вѣками продолжалось это медленное, но неуклонное движеніе. Мѣстами оно встрѣчалось съ сопротивленіемъ въ видѣ твердыхъ мѣстныхъ геологическихъ напластованій и, вступая съ нимъ въ борьбу, или одолѣвало, или мѣняло нѣсколько свое основное направленіе. Наконецъ, въ болѣе позднюю эпоху рельефъ мѣстности былъ видоизмѣняемъ совокупными вліяніями атмосферическихъ условій и разрушительнымъ дѣйствіемъ теченія рѣкъ.

Геологическимъ результатомъ этой вѣковой работы въ моложской мѣстности получается контрастъ склоновъ, а именно: поверхность уѣзда представляетъ изъ себя плато съ двумя параллельными, но противоположно наклонными скатами. Одинъ изъ этихъ скатовъ, въ западной части уѣзда, имѣетъ наклонъ къ сѣверо-востоку, опредѣляя собою теченіе рѣки Сити; другой, въ восточной части, ниспадаетъ къ юго-востоку, являясь ложемъ рѣкъ Мологи и Шексны. Основной характеръ почвы опредѣляется различіемъ происхожденія этихъ двухъ склоновъ. Въ западной и юго-западной частяхъ уѣзда почва материковаго характера, представляетъ мощныя наслоенія пестрой глины ледниковаго образованія; въ сѣверо-восточной и восточной—новообразованія осадочнаго наслоенія (наволоки,

по мѣстному названію), результатъ весеннихъ разливовъ и измѣненія русла рѣкъ Волги, Мологи и Шексны.

Эти измѣненія русла явно замѣтны во многихъ мѣстахъ Моложскаго уѣзда, продолжаютъ и въ настоящее время, а въ древнія времена, при большомъ обиліи воды и высшемъ уровнѣ dna, размытаго теперь, должны были происходить болѣе быстро и въ большихъ размѣрахъ.

На памяти населенія за послѣднія 50 лѣтъ рѣка Волга измѣнила свое русло при впаденіи р. Мологи, размывъ свой лѣвый берегъ и образовавъ Θεодоритскую мель.

Рѣка Молога не однажды мѣняла свое русло въ мѣстности между селомъ Вѣтринымъ и сельцомъ Часковымъ.

Шексна угрожала совершенно смыть село Всѣхсвятское, такъ что принуждены были ходатайствовать объ укрѣпленіи берега средствами министерства путей сообщенія.

Протоки, вродѣ Глухой Шексны, рѣки Пунымы, Старой Мологи, Старицы, и многія озѣра удлиненой формы вблизи береговъ р. Мологи также свидѣтельствуютъ объ отступленіи рѣкъ отъ стараго русла и новыхъ промывахъ.

Вообще вся мѣстность, расположенная въ треугольникѣ, образуемомъ теченіемъ рѣки Пунымы (съ востока), возвышенностью, по которой идетъ большой с.-петербургскій трактъ (съ запада), и болотами вдоль границы съ Череповецкимъ уѣздомъ (на сѣверѣ) представляетъ изъ себя новообразованіе, испещренное озѣрами и болотами, слѣдами стараго русла. Мѣстами здѣсь изъ-подъ новаго наслоенія обнажаются верхніе ярусы пермской системы (близъ дер. Васильевой и Рожновой, подъ с. Шуморовымъ, у села Горькой Соли, села Леонтьевскаго и у дер. Трезубова).

Геологическое строеніе мѣстности вдоль большой дороги, отъ дер. Горѣлой до дер. Остроги, указываетъ, что нѣкогда здѣсь шло русло рѣки.

Точно также мѣстность отъ с. Коприна, Рыбинскаго у., и устья рѣки Сутки до той-же деревни Остроговъ и урочища Мостицы, соединяющагося съ большимъ болотомъ въ городскомъ лѣсу, даетъ основаніе предполагать, что въ давнія времена здѣсь проходило теченіе р. Волги.

Свято-Озеро, близъ города Мологи, представляетъ также остатокъ стариннаго русла.

Рѣка Волга входитъ въ Моложскій уѣздъ при впаденіи въ нее рѣки Сутки и проходитъ по его юго-восточной границѣ до дер. Коротнева на протяженіи около 35-ти верстъ, дѣлая

здѣсь изгибъ самой сѣверо-западной части, такъ-называемой Рыбинской луки, вершина которой находится противъ впаденія въ р. Волгу рѣки Мологи.

Какъ геологическія изслѣдованія, такъ и историческія данныя указываютъ на отступленія въ этой мѣстности теченія рѣки Волги въ юго-восточномъ направленіи. Упорною вѣковой работой р. Волга укорачиваетъ длину луки, размывая свой правый берегъ. Этому, казалось-бы, противорѣчитъ образование Θεодоритской мели и частичное размываніе здѣшнѣваго берега рѣки Волги; но въ дѣйствительности это явленіе временное и являющееся частнымъ случаемъ вѣковой работы измѣненія русла въ указанномъ направленіи. Волга размываетъ свой правый берегъ выше у д. Крутца, и результатъ размыва—взвѣшенный въ своихъ водахъ песокъ—несетъ внизъ и отлагаетъ на крутомъ поворотѣ при впаденіи рѣки Мологи, откуда и появилась Θεодоритская мель. Но въ общемъ несомнѣнно, что въ историческія времена, т. е. за 800—900 лѣтъ, Рыбинская лука сократилась въ длину на 70—80 верстъ, такъ-какъ есть основанія предполагать, что впаденіе р. Мологи въ р. Волгу находилось прежде почти у самаго впаденія рѣки Сити въ р. Мологу.

Такия измѣненія русла въ связи съ размывомъ береговъ, образованіемъ озёръ и болотъ, весьма вредно отзываются на экономическихъ условіяхъ жизни мѣстнаго населенія. Неговоря уже о томъ, что многочисленные завороты, изгибы и луки протекающихъ уѣздомъ рѣкъ отнимаютъ значительное количество земли, пригодной для обработки, — рѣки, вслѣдствіе этихъ заворотовъ, ослабляются въ теченіи, откладываютъ мели и перекаты, а въ весеннюю пору, вслѣдствіе застоя льда на заворотахъ русла, разливаются на обширное пространство, превращая всю мѣстность между р. Мологой и р. Шексой въ громаднѣйшее озеро. Вредныя экономическія слѣдствія такихъ разливовъ неисчислимы. Около трети населенія уѣзда не сѣетъ озимовыхъ хлѣбовъ, принуждено въ весеннюю пору держать домашній скотъ впроголодь, помѣщая его на «подволокахъ», т. е. въ верхней части крытаго двора. Много времени уходитъ потомъ на расчистку полей и луговъ отъ нанесеннаго рѣкою сору, илу и песку. Обыкновенно указываютъ на благотѣльную сторону большихъ разливовъ—на поёмные луга, но здѣсь печальный самообманъ: территорія поёмныхъ луговъ, правильно орошаемая регулированной рѣчною системой, приносила-бы во много разъ большій доходъ и не требовала-бы всѣхъ вредныхъ послѣдствій ежегоднаго «пониманья» или за-

литія водою. Надо также принять во вниманіе вредъ, приносимый весенними разливами мѣстнымъ путямъ сообщенія, размывъ дорогъ, поломку гатей и мостовъ, порчу бичевника и пристаней. Наконецъ, разливы рѣкъ съ ихъ послѣдствіями (застоемъ воды въ низинахъ и на болотахъ) несомнѣнно вредны въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи, что доказывается ежегодно развивающимися въ «понимаемой» мѣстности эпидеміями и эпизоотіями. «Тифъ» и «сибирка», въ особенности послѣдняя, свили себѣ прочныя гнѣзда въ Моложскомъ уѣздѣ. Но, регулированіе русла и замѣна естественнаго орошенія луговъ и полей канализаціей не доступны для выполненія частному почину и примѣру: тутъ необходимы крупныя затраты, разлагаемыя въ платежъ на цѣлый рядъ поколѣній, которыя воспользуются результатами работъ. Только при условіяхъ долгосрочнаго кредита изъ средствъ государственнаго казначейства, только при условіяхъ широкой общественной постановки этого дѣла, возможно его осуществленіе. Инициаторомъ и руководителемъ должно, конечно, явиться земство.

На уѣздныхъ и губернскомъ земскихъ собраніяхъ неоднократно возбуждался вопросъ объ укрѣпленіи береговъ рѣкъ, регулированіи русла, объ осушкѣ болотъ и канализаціи, но все это были пока разрозненныя и случайныя попытки, тогда какъ необходимо серьезное изученіе мѣстныхъ особенностей и выработка общаго плана борьбы съ неблагопріятными условіями, создаваемыми разливами рѣкъ и измѣненіями русла.

II.

Почва въ Моложскомъ уѣздѣ темная, иловатая (иловатый суглинокъ), но мѣстному названію „сѣрая земля“ или даже „бѣлуха“. Въ сущности это тотъ-же черноземъ, но только промытый, выбѣленный водой и потерявшій большую часть своихъ цѣнныхъ элементовъ, а потому требующій значительнаго удобренія.

Въ сѣверной части уѣзда, отъ волости Грязливецкой на Шекснѣ, черезъ Янскую и Прозоровскую до Сутковской, проходитъ полосаю песчаная почва, мѣстами попадающаяся также вдоль теченія рѣкъ Мологи, Шексны и Волги, въ особенности-же въ окрестностяхъ гор. Мологи и по петербургскому тракту до дер. Большой Режи.

Въ юго-западной части уѣзда почва болѣе глинистаго характера, влажно-холодная.

Характеръ почвы опредѣляетъ и характеръ растительности.

Въ юго-западной части уѣзда—чернолѣсье, въ западной—хвойныя лѣса, между Мологой и Шексною—липа и дубъ, обширныя болотистыя пространства и поѣмныя сѣнокосы.

Южная часть уѣзда по строенію почвы и характеру земледѣлія сходна въ условіяхъ съ Владимірскою и Тверскою губерніями, а сѣверо-восточная напоминаетъ губерніи приуральскія.

Лучшею почвой для посѣвовъ считается та, гдѣ есть чернолѣсье съ орѣшникомъ; ниже цѣнится боровая или сосновая земля—сушесчаная; хуже всѣхъ еловая или раменная—глинисто-влажно-холодная.

Климатъ Моложскаго уѣзда, какъ и всей Ярославскою губерніи, довольно суровъ и подверженъ колебаніямъ.

Весною бываютъ рѣзкія перемѣны погоды, обусловленныя смѣною направленія вѣтра. Въ общемъ замѣчается, что въ началѣ весны дуютъ теплыя юго-западные вѣтры, во второй-же половинѣ—холодныя сѣверо-восточныя, отчего случаются поздніе заморозки въ концѣ апрѣля и даже въ началѣ мая; къ осени опять начинаютъ преобладать юго-западные вѣтры.

Характеръ климата, почвы и растительности, а также условія географическаго расположенія водяныхъ путей, опредѣляютъ бытъ и нравы, главнѣйшія занятія и склонности населенія.

Сѣверо-восточная часть уѣзда и частью юго-восточный его край, со своимъ общимъ склономъ на юго-востокъ, тремя рѣчными крупными путями и понимаемыми во время весенняго разлива водъ мѣстностями, давно уже поставили населеніе въ необходимость и дали возможность жителямъ искать себѣ заработка отходомъ по рѣкамъ судорабочими, коноводами, лоцманами.

Здѣсь занятіе земледѣліемъ составляетъ скорѣе подспорный промыселъ, и отходъ на сторону для заработка является главнымъ и неизбѣжнымъ промысломъ, прокармливающимъ населеніе. Обиліе цѣнныхъ поѣмныхъ покосовъ и лѣсныхъ пространствъ повліяло на условія надѣленія крестьянъ землею: надѣлы здѣсь достигаютъ минимальныхъ размѣровъ—въ одну десятину съ четвертью.

Только наиболѣе центральная часть мѣстности между Мологою и Шексною да удаленная въ глушь Янская волость ищутъ заработка не столько въ отходѣ, сколько въ мѣстной

работъ топоромъ и въ постройкѣ судовъ. Въ общемъ-же волости Грязливецкая, Копорьевская, Городецкая, Иловенская, Боронишинская и частью Веретейская, Леонтьевская, Брейторевская и Прозоровская—всѣ сроднились съ отходомъ и работами по рѣкамъ...

Болѣе-же возвышенная, не покрываемая водою въ весенніе разливы, холмистая мѣстность южной и западной частей уѣзда съ ея общимъ склономъ съ юга на сѣверъ, орошаемая рѣкою Ситью и прорѣзанная линіей желѣзной дороги (московско-виндаво-рыбинской), волости: Новотроицкая, Некоузская, Марьинская, Воскресенская, большая часть Веретейской, Станиловская, Покровско-Ситская и Сутковская—исконн земледѣльцы; главное ихъ занятіе—сельское хозяйство. Не удовлетворяясь полученными надѣлами, населеніе ищетъ свободной земли насторонѣ, охотно цокунаетъ и арендуетъ участки; этимъ въ особенности отличаются жители части Веретейской волости, бывшіе государственные крестьяне. Населеніе Покровско-Ситской волости, неимѣющее покосовъ, ежегодно арендуетъ поѣмные покосы по хорошей цѣнѣ въ крунныхъ имѣніяхъ по рѣкѣ Мологѣ.

Земледѣльческое занятіе этого края объясняетъ, почему именно въ этой мѣстности зародилась и нашла себѣ, при помощи земства, осуществленіе идея мелкаго вещевого кредита. Какъ извѣстно, въ селѣ Некоузѣ открывается земскій ломбардъ для выдачи ссудъ подъ хлѣбъ.

Отходъ изъ этой мѣстности насторону не такъ значителенъ, какъ въ сѣверо-восточной части уѣзда, въ особенности если принять во вниманіе большую густоту населенія въ юго-западной части. Въ отходѣ жители этой части уѣзда предпочитаютъ торговый промыселъ, службу въ столицахъ, въ трактирахъ и лавочкахъ; изъ Станиловской волости выходятъ легковые и ломовые извозчики, изъ Покрово-Ситской—плотники, изъ Сутковской и Прозоровской—ходебники-портные.

Кустарные промыслы здѣсь также развиты въ значительной степени.

Въ Веретейской волости въ зимнее время заняты плетеніемъ щепенныхъ корзинъ крупнаго размѣра, употребляемыхъ для яичной торговли; корзины эти плетутся изъ широкихъ полосъ драпки, нащепанной изъ сосны лучшаго качества; весною корзины свозятся на берегъ Волги и Мологи, грузятся на суда и отправляются внизъ по Волгѣ. Въ низовыхъ губерніяхъ корзины наполняются скупаемыми яицами, укладываемыми въ зерновой хлѣбъ, и отправляются Маринскою си-

стемой въ Петербургъ и за границу на альбуминныя фабрики. Намъ не удалось прослѣдить до конца дальнѣйшую судьбу веретейскихъ корзинокъ, но мы слышали, что за границей онѣ употребляются для перевозки мелкаго галантерейнаго товара и иногда возвращаются въ Россію съ грузомъ ленточекъ, галстуховъ, флаконовъ съ духами и т. п.

Въ Станиловской и Покровско-Ситской волостяхъ развито производство деревянной посуды, въ Брейтовской—мебельный промыселъ въ очень незначительныхъ размѣрахъ.

Встрѣчаются также производства саней и колесъ; въ особенности въ сѣверо-западной части уѣзда, благодаря дешевой тамъ лѣсной матеріалъ; угольный промыселъ и смолокурение—въ мѣстностяхъ съ обширными вырубками лѣса. О наиболѣе распространенномъ и значительномъ промыслѣ—судостроеніи—мы расскажем ниже въ историческомъ очеркѣ Моложскаго уѣзда. *)

III.

Тѣ-же два склона, направляющіе теченіе главнѣйшихъ рѣкъ въ уѣздѣ, обуславливающіе разницу почвы и растительности, характеризующіе разность условій быта и нравовъ населенія, въ далекомъ прошломъ направляли приливы различныхъ народностей въ край и обусловили разнообразіе племенныхъ въ немъ особенностей.

Сѣверо-восточная часть уѣзда, съ ея послѣдними увалами сѣвера и общимъ наклономъ къ юго-востоку, служила открытою дорогой для первоначальныхъ историческихъ поселеній этой страны, для финновъ: Чуди, Веси и Мери.

Южный склонъ, направляющійся къ сѣверо-западу, открывалъ путь для новой культуры славяно-русской, сначала для колоній Новгорода Великаго, спустившихся сюда отъ верховьевъ Волги, потомъ—для суздальцевъ, двигавшихся съ юго-востока.

Порубежный характеръ этой мѣстности проходитъ черезъ всю ея исторію.

На зарѣ нашей государственности мы находимъ здѣсь грань между поселеніями Веси и Мери, которую, конечно, въ настоящее время точно опредѣлить нельзя; но по нѣкоторымъ

*) Волѣ подробныя свѣдѣнія о развитіи кустарныхъ промысловъ имѣются въ недавно вышедшемъ обширномъ трудѣ статистическаго бюро ярославскаго губернскаго земства: „Кустарные промыслы Ярославской губерніи“.

даннымъ археологическаго характера можно предполагать, что Меря занимала мѣстность приситскую, въ юго-восточной части уѣзда, Весь-же ютилась въ сѣверной части. Центромъ послѣдней была, какъ извѣстно, Весь Ягонская (название которой произошло отъ ручья Югницы), тогда какъ для Мери лѣтописи указываютъ средоточіемъ озеро Неро, или Ростовское,

До сихъ поръ во многихъ названіяхъ урочищъ, озёръ, рѣкъ и ручьевъ Моложскаго уѣзда, а отчасти и деревень, сохранились слѣды происхожденія ихъ отъ финскихъ словъ. Сюда относятся всѣ непонятно звучащія названія съ окончаніемъ <а>, въ особенности-же на слоги: <га> (сокращенное финское слово <юга>—вода), <на> (сокращеніе финскаго слова <яна>—рѣка), <ма> (финское слово—земля), <ра>, <хта>, <гда>, <рба>, <са>, <ша>, <жа>, <за>, а также съ рѣдко встрѣчающимся окончаніемъ на <болъ> и <долъ>, на-примѣръ:

Волга, Молога, Вага, Шига, Керга, Аньга, Юга, Шуйга, Чанчуга.

Шекена, Струбишна, Матлана, Изина, Яна.

Маткома, Редьма, Пушма, Шурма, Шарома.

Ягра, Шумара, Чечора, Конгора, Искра.

Березохта, Толехта, Обухта, Изохта, Пихта, Сагда, Турба, Корба, Ягорба, Верекса, Тегуса, Качеса, Скорша, Кудаша, Согожа, Вайша, Паломза, Пасуза, Некуза, Туболь, Сѣболь.

Слѣдуетъ замѣтить, что одно изъ древнихъ названій народности Веси (Асы, Васы, Вись и Водъ), приведенное въ писаніяхъ Адама Бременскаго въ формѣ <Вильцы>, сохранилось въ Моложскомъ уѣздѣ въ названіяхъ деревень Ильцы, Илецъ, Илькино и вообще встрѣчается въ Ярославской губерніи въ различныхъ уѣздахъ (въ Ярославскомъ: Ильцино и Илькино, въ Романово-Борисоглѣбскомъ: Ильцино и Ильща, въ Ростовскомъ—Ильково, въ Угличскомъ—Илейкино, въ Даниловскомъ—Илейцино, въ Рыбинскомъ—Илькино, въ Мышкинскомъ—Илино).

Съ названіемъ Веси возможно также сблизить рѣку Веку (въ Костромской губ.) и селенія: Веску въ Ростовскомъ и Вески въ Рыбинскомъ уѣздѣ, съ названіемъ Води—Водогу и Водогину въ Пошехонскомъ, Воденики въ Моложскомъ.

Память новгородскихъ колоній осталась въ названіяхъ нѣкоторыхъ рѣкъ съ окончаніемъ <ль>, какъ на-примѣръ: Сить, Вайтъ, Лать, Сулатъ, Ильдь, Ламъ, Мыль, Пачесь, Паткосъ и Инобожь.

Названіе Сити имѣетъ несомнѣнно славяно-арійское происхожденіе и объясняется санскритскимъ корнемъ *sita*, что значитъ борозда, общимъ для словъ: сѣять, сито и сѣть.

Въ рѣчи современнаго населенія Моложскаго уѣзда совершенно не слышно новгородскаго наслѣдія. Очевидно, позднѣйшая волна суздальско-владимірскаго вліянія изгладилъ все прежніе слѣды. Въ Моложскомъ краѣ, какъ и во всей Ярославской губерніи, низкій говоръ на <о>, характерно-родственный владимірскому; здѣсь не измѣняются по-новгородски звука *ь* въ *и*, не усѣкаютъ окончаній глаголовъ 3-го лица съ откидываніемъ <тъ> («онъ возьме», «ходи»), но смягчаютъ по-московски звукъ *з*, превращая его въ окончаніяхъ <аго>, <его> въ *в*—<аво>, <ево>; не слышится здѣсь въ такой сильной степени, какъ въ новгородскомъ, тверскомъ, частью олонечкомъ, вологодскомъ, архангельскомъ и пермскомъ, характерныхъ малорусскихъ словъ, какъ напримѣръ: «черевики», «свитка», «швецъ», «дековаться», «трохи», «шкода», «торба», «горѣлка», «худоба», «робить», «дядина», «добре», «женка», «очишокъ», «сдивоваться» и т. п.

Но за то много характерно-мѣстныхъ отбѣнковъ говора. Здѣсь вы услышите верхневолжское смягченіе звука <у> въ окончаніяхъ словъ: «чайкю», «наверхю», частую замѣну во множественномъ числѣ творительнаго падежа дательнымъ и обратно: «отбиваюсь и рукалѣ и погалѣ», «дайте овса лошадемѣ», «я вами очень благодаренъ». У ситчанъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, замѣчается западное, родственное бѣлорусскому нарѣчію цоканье и дзѣканье: «ницаго», «цортъ», «дзвивилась» и т. п.

Вліяніе отхода на-сторону также сказывается внесеніемъ заимствованныхъ оборотовъ рѣчи «по образованному», сопровождаемое не малымъ уродованіемъ коренного русскаго языка. Намъ приходилось слышать отъ мологжанъ—питерщиковъ, т. е. побывавшихъ въ Петербургѣ, такія выраженія: «Барыня уже вставши»; «поглядѣть, какой онъ солидный»; «ситчикъ красиво выгладитъ»; «я вашъ патриотъ изъ Мологи» и т. п.

Въ заключеніе нашего этнографическаго очерка скажемъ еще нѣсколько словъ о племенномъ характерѣ состава нынѣшняго населенія Моложскаго уѣзда.

Наиболѣе древніе насельники края—финны, главнымъ образомъ въ весьской своей отрасли,—оставили еще замѣтныя черты въ сѣверной и сѣверо-восточной части уѣзда, по рѣкамъ Шекснѣ и Мологѣ. О незначительности новгородскаго вліянія указано было выше. Суздальско-владимірское заселеніе ярче

выдѣляется въ характерѣ населенія южной части уѣзда, въ особенности въ волостяхъ Марьинской, Некоузской, Новотроицкой, частью Станиловской, Воскресенской и Веретейской.

Несомнѣнна также колонизація изъ различныхъ мѣстностей. Въ XVII вѣкѣ были поселены по Волгѣ и Мологѣ рыболовы и ткачи (хамовники) изъ дворцовыхъ слободъ. Въ сѣверо-западной части уѣзда, въ Сутковской волости и въ Станиловской (такъ называемой Бѣльщинѣ) есть карелы, выселившіеся съ сѣвера сравнительно недавно и болѣе или менѣе обрусѣвшіе. Наконецъ, часто помѣщики дѣлали переселенія на свои зѣмли изъ чужихъ губерній; такъ, Костомаровъ («костомаровщина» въ Леонтьевской волости) переселилъ лѣтъ за сто до нашего времени крестьянъ изъ малорусскихъ своихъ имѣній, помѣщикъ Соковнинъ—изъ Орловской губерніи и т. п. Но остается совершенно неизвѣстнымъ и загадочнымъ происхождение такъ называемыхъ «сискарей» или «ситскарей», составляющихъ ядро Покровско-Ситской волости. Складъ ихъ черена (долихоцефалическій), сложеніе тѣла (всѣ средняго и болѣе средняго роста, плечисты и отличаются одутловатостью лица и живота), цвѣтъ и обиліе волосъ (рыжевато-русыхъ), ихъ говоръ (цокающій и дзекалющій), многіе ихъ обычаи, самый нравъ (трудолюбіе и склонность къ сутяжничеству)—все отличаетъ ихъ отъ сосѣдей и выдѣляетъ въ обособленную группу.

Различные изслѣдователи разно рѣшали вопросъ объ ихъ происхожденіи. Одни хотѣли видѣть въ нихъ потомковъ побѣдителей подъ Ситью—татаръ. Но эта гипотеза не имѣетъ за собой никакихъ основаній: ни типъ, ни складъ, ни говоръ—ничто не схоже съ монгольскими характерными чертами.

Другіе видятъ въ нихъ обрусѣвшихъ карель, но и это малоправдоподобно: примѣсь финской крови прежде всего сказывается въ низкорослости и въ темной окраскѣ волосъ съ слабой растительностью на лицѣ. Говоръ и нравы сильно отличаются ситчанъ или сискарей отъ ихъ сосѣдей карель въ той-же самой Бѣльщинѣ.

Нѣтъ, они не карелы. Вотъ япцы, копорьевцы, прозоровцы даютъ гораздо болѣе родственныхъ финскому типу особенностей.

Остается еще одно предположеніе. Извѣстно, что въ древнія времена литовское племя распространялось далеко на востокъ, и отдѣльныя литовскія поселенія были даже близъ Устюжны Желѣзнопольской.

Можно думать, что и молодежкіе сискари ведутъ свое происхождение отъ такой восточной литовской колоніи. Род-

ственныхъ чертъ съ литовцами у нихъ много, въ особенности въ говорѣ.

Намъ извѣстно, что въ южной части Нижегородской губерніи, въ Княгининскомъ уѣздѣ, есть мѣстность; жители которой точно также цокають и дзекають, какъ и на Сити. Туда были во времена Иоанна Грознаго переселены литовцы и находились приблизительно въ тѣхъ-же условіяхъ, какъ и сискарі, окруженные окающимъ и твердо говорящимъ суздальскимъ населеніемъ.

Слѣдуетъ поснѣнить изученіемъ особенностей говора и быта загадочныхъ сискарей: уснѣхи культуры, введеніе грамотности замѣтно дѣйствуютъ нивеллирующимъ образомъ и сглаживаютъ характерные оттѣнки и различія.

IV.

Съ древнѣйшихъ временъ примоложскій край былъ порубежнымъ и въ отношеніи торговомъ. Узелъ рѣчныхъ системъ тихвинской и шекснинско-бѣлозерской и до урегулированія его каналами являлся естественнымъ путемъ, сближавшимъ два отдаленныхъ моря—Балтійское и Каспійское, и моложскій край находился какъ разъ между сталкивающимися здѣсь вліяніями культуръ сѣверно-европейской (нормано-скандинавской) и южно-азиатской (арабско-персидской).

Древнѣйшія историко-географическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ и населявшихъ его финскихъ племенахъ мы встрѣчаемъ, съ одной стороны, въ скандинавскихъ сагахъ и у норманскихъ историковъ въ разсказахъ о баснословномъ Азгардѣ, Асаландѣ и о завоеваніяхъ Германариха въ странахъ Васъ и Вильцовъ, въ писаніяхъ Юрнанда и Адама Бременскаго, съ другой стороны—въ описаніи мѣнновой, нѣмой торговли прикамскихъ болгаръ съ народностью Висъ у арабскихъ историковъ и путешественниковъ Ибнъ Фозлана, Казвини, Бакуви, Гамдъ Уллаха, Димешка, Якута, Абу-Гамида.

Кромѣ этого свидѣтельства, посредничество этой мѣстности въ торговыхъ отношеніяхъ странъ прибалтійскихъ съ Каспиемъ доказывается археологическими данными.

Въ 1870-хъ годахъ въ Моложскомъ уѣздѣ производились раскопки кургановъ извѣстнымъ археологомъ-любителемъ докторомъ Л. К. Ивановскимъ; имъ изслѣдовано было 15 группъ кургановъ по низовью р. Сити и на р. Сѣблѣ.

Раскопки производились на пустоши «Шлави» (противъ села Вѣтрина, на правомъ берегу Мологи, ниже впаденія рѣки

Сити); у сѣльца Владимірскаго (владѣнія графа А. И. Мусина-Пушкина); на р. Сѣблѣ въ Прозоровской волости и по р. Сити; близь деревень: Иванъ Святой, Суцево, Турбаново, Мерзлѣво, Михалево и Лопатино.

Всѣ курганы оказались круглой формы, отъ 5 до 16 сажень въ окружности и отъ $3\frac{1}{2}$ до 8 аршинъ высоты. Погребеніе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ простое: трупъ положенъ безъ гроба или прямо на землѣ, или на слоѣ угля; въ ногахъ, между колѣнъ, иногда поставленъ глиняный сосудъ въ видѣ урны; въ другихъ курганахъ погребеніе съ сожженіемъ трупа, причемъ попадаются кости сожженныхъ вмѣстѣ съ трупомъ животныхъ.

По мнѣнію изслѣдователей, всѣ эти курганы языческаго періода—мерянскіе и, судя по найденнымъ въ нихъ предметамъ и монетамъ, относятся къ X и XI вѣкамъ. Найденныя монеты подтверждаютъ торговую порубежность края.

На-ряду съ англо-саксонской монетой короля Этельреда II (987—1016) оказался диргемъ (динарій) саманидской династїи (арабско-персидской) X-го вѣка.

Всѣ находки переданы были Ивановскимъ въ московскій Историческій музей, гдѣ и помѣщаются въ витринахъ 4-го зала (курганный періодъ) подъ №№ 2234—2458.

Первое появленіе моложскаго края въ русской древней лѣтописи также обусловлено его порубежнымъ характеромъ. Въ 1149 году, весной, онъ послужилъ мѣстомъ столкновенія русскихъ дружинъ, братоубійственно лившихъ кровь другъ-друга изъ-за княжескихъ междоусобицъ. Великій князь кievскій Изяславъ (Пантелеймонъ) Мстиславичъ, внукъ Мономаха, въ распрѣ изъ-за наслѣдья съ дядей своимъ, княземъ суздальскимъ Юріемъ Долгорукимъ, принужденъ былъ просить помощи у своего брата Ростислава, смоленскаго князя. Владѣнія Ростислава близко подходили къ суздальско-ростовскимъ владѣніямъ князя Юрія Долгорукаго, и дружины соединившихся князей Изяслава и Ростислава Мстиславичей проникли въ предѣлы нынѣшняго Моложскаго уѣзда. Лѣтописецъ упоминаетъ о большомъ весеннемъ разливѣ рѣкъ, мѣшавшемъ военнымъ дѣйствіямъ: «Кони ихъ бродяху по череву и похромаше»...

Въ 1207 году Моложскій край вмѣстѣ съ остальною Ростовскою областью достался въ удѣлъ князю Константину Всеволодовичу, внуку князя Юрія Долгорукаго и сыну Всеволода (Димитрія) Юрьевича Большое Гнѣздо. Въ 1218 г. ему наслѣдовалъ въ сѣверной части Ростовской области сынъ его Всеволодъ (Иванъ) Константиновичъ, первый удѣльный князь

ярославскій, отецъ святыхъ князей Василя и Константина, 400-лѣтіе обрѣтенія мощей которыхъ торжественно поминалось въ Ярославлѣ 8-го іюня 1901 года. Всеволоду Константиновичу суждено было сложить свою голову въ предѣлахъ Моложскаго края, на берегахъ р. Сити, въ битвѣ съ татарами 4-го марта 1238 года.

Къ сожалѣнію, столь важное для исторіи Моложскаго края событіе, какъ знаменитая ситская битва, закончившая покореніе южной и центральной Руси татарами и явившаяся гранью ихъ дальнѣйшаго движенія на сѣверъ, такъ мало еще изслѣдована археологическими изысканіями и изученіемъ источниковъ, что по вопросу о ней ничего неизвѣстно яснаго, точнаго и опредѣленнаго. Не установлено даже, въ какомъ мѣстѣ на р. Сити происходилъ бой.

Между отдѣльными изслѣдователями существуетъ масса серьезныхъ разногласій. Большинство указаній о мѣстѣ ситскаго побоища говоритъ за верховья р. Сити, лежація въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, близъ селеній Могилицы и Божонки (въ 12—15 верстахъ отъ станціи «Пицалкино» московско-виндаво-рыбинской ж. д.).

Но противъ этого высказывается много возраженій. Курганы у Божонки и Могилицъ не были изслѣдованы и могутъ оказаться, какъ и нижележація по р. Сити курганы, памятниками языческой эпохи, мерянскими могильниками.

Мало основаній предполагать, что послѣ ситской битвы, гдѣ русскіе были разбиты на-голову и большей частью истреблены, здѣсь, на глухой окраинѣ, было-бы устроено большое количество памятныхъ кургановъ. Татары, какъ извѣстно, въ этой мѣстности не остались, не осѣли прочно, и имѣли обыкновеніе увозить съ собою трупы убитыхъ.

Возможно еще допустить, что нѣкоторое время спустя послѣ битвы благочестивыми людьми, монахами древне существовавшихъ тутъ монастырей, были устроены общія могилы убиенныхъ, причемъ опознанныя тѣла лицъ особо почитаемыхъ, князей и главныхъ вождей, могли быть увезены для погребенія на мѣсто ихъ родины или княженія.

Лѣтонисъ дѣйствительно рассказываетъ, что епископъ ростовскій Кириллъ, спасшійся во время нашествія въ Бѣлозерскъ, возвращаясь, былъ на Сити, разыскалъ тѣла князей Георгія Всеволодовича и родича его Василька Константиновича и свезъ въ Ростовъ, гдѣ и положилъ въ соборномъ храмѣ Богородицы.

Лѣтопись сохранила также сказаніе, что разбитыя русскія войска бѣжали на сѣверъ внизъ по теченію Сити и, преслѣдуемая татарами, тонули въ р. Сити и въ Мологѣ. Отъ селъ Могилицъ и Божонокъ до устья р. Сити и впаденія ея въ Мологу болѣе ста верстъ, и врядъ-ли преслѣдованіе могло продолжаться на такое разстояніе.

Какъ извѣстно, великій князь Георгій (Юрій) Всеволодовичъ въ самомъ концѣ 1237 года, послѣ взятія татарами Рязани, Коломны и Москвы, удалился изъ столицы Владиміра на самую грань своихъ владѣній, гдѣ собиралъ войско, поджидая помощи отъ братьевъ своихъ—Святослава юрьевского и Ярослава переяславскаго. Первый изъ нихъ дѣйствительно пришелъ къ нему вѣремя и участвовалъ съ своимъ войскомъ въ битвѣ, второй не явился. Очевидно, что князь Юрій долженъ былъ избрать пунктъ, лежащій на пути или на пересѣченіи путей движенія ожидаемой помощи.

Путь съ востока, отъ Юрьева, шелъ черезъ Мологу трактомъ на Красный Холмъ; путь съ юга, которымъ пришелъ и самъ князь Юрій, шелъ на Угличъ, Мышкинъ, село Некоузъ; на Сити эти два пути встрѣчаются у села Станилова. Здѣсь-то и стоялъ станомъ князь Юрій Всеволодовичъ, согласно мѣстнымъ преданіямъ.

Можно допустить, что въ мѣстности близъ с. Могилицъ происходили стычки передовыхъ отрядовъ татаръ съ посланнымъ на развѣдки сторожевымъ русскимъ полкомъ подъ командою воеводы Дорона или Дорофея Семенова; но самый бой долженъ былъ происходить ниже, въ среднемъ теченіи р. Сити, и во всякомъ случаѣ ниже села Станилова.

Стратегическіе приемы татаръ, сильныхъ своей конницею, извѣстны изъ сочиненій знаменитаго хана Тимуръ-Лена. Они имѣли обыкновеніе двигаться такъ-называемой облавою или обширной дугой (подковой), намѣтивъ пунктъ соединенія въ кольцо, которое, смыкаясь, уничтожало все захваченное. Лѣтопись подтверждаетъ, что и въ ситской битвѣ татары употребили тотъ-же приемъ, и что князь Юрій Всеволодовичъ съ войсками своими былъ окруженъ, захваченъ въ расплохъ, принужденъ сражаться на два фронта, результатомъ чего и было ~~полное~~ пораженіе.

Изъ лѣтописи мы знаемъ, что 7-го февраля 1238 года взятъ былъ приступомъ Владиміръ, гдѣ погибло княжеское семейство; затѣмъ отряды татаръ раздѣлились для движенія по Суздальской землѣ: одни пошли на сѣверъ, взяли Ярославль и поплѣнили Поволжье до самаго Галича Мерянскаго

(Костромской губ.), другіе разграбили Юрьевъ, Дмитровъ, Переяславль, Ростовъ, Волоколамскъ, Тверь. Отсюда ясно, что облава татаръ, сомкнувшихся у Сити, должна была, сближаясь, двигаться двумя отрядами: одинъ шелъ съ юго-запада отъ Тверской области, другой—съ сѣверо-востока отъ Галича Костромскаго. Путь отъ Твери на Сить идетъ черезъ Бѣжецкій Верхъ на Красный Холмъ, путь отъ Галича—лѣвымъ берегомъ Волги до рѣки Мологи, устье которой въ то время, какъ уже сказано выше, должно было находиться гораздо ближе къ устью р. Сити, чѣмъ теперь.

Мѣстное преданіе указываетъ путь обходнаго отряда татаръ изъ Пошехонскаго уѣзда черезъ село Ягорбу на Шекснѣ, Яну, Старое Холмье (село Борисоглѣбъ) къ селу Покровскому на Сити.

Противъ такого предположенія обыкновенно возражаютъ, что битва происходила 4-го марта, и что путь между Шексной и Мологой былъ въ то время непроходимъ изъ-за водополья.

Но изъ 50-тилѣтнихъ наблюденій моложскаго мѣщанина, метеоролога-любителя, А. А. Фениотина и изъ 20-тилѣтнихъ наблюденій автора этой статьи за вскрытіемъ рѣкъ видно, что Молога и Шексна вскрываются по большей части въ началѣ апрѣля и очень рѣдко—въ срединѣ марта (самое раннее вскрытіе было въ 1836 году 13-го марта), такъ что можно допустить, что во время битвы погода стояла еще зимняя, и болотныя дороги допускали проходъ конницы. Въ лѣтописяхъ есть косвенное указаніе на то, что весна 1238 года была поздняя, а именно говорится, что татарскія войска, двигавшіяся къ Новгороду Великому, были остановлены у Торжка росто-нелю, разливомъ водъ; между тѣмъ тамъ они были значительно позже, чѣмъ на Сити.

Мѣстное преданіе говоритъ, что обозъ былъ оставленъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ въ низовьяхъ Сити, гдѣ были издавна укрѣпленныя мѣста (городищи), близъ нынѣшняго села Покровскаго на Сити (деревни Городищи, Княгинино, село Семеновское, гдѣ, по преданію, былъ монастырь) и въ урочищѣ, именуемомъ Великое Село, на высокомъ мѣстѣ между селами Покровскимъ на Сити и Брейтовымъ. Въ обрѣзахъ этихъ мѣстахъ указываютъ на р. Сити и на впадающей въ нее рѣчкѣ Гориновкѣ пункты, гдѣ число утопнувшихъ во время битвы было такъ велико, что рѣчки были запружены трупами и остановились въ своемъ теченіи. Подъ деревней Игнатовымъ и селомъ Семновскимъ этотъ пунктъ такъ и зовется «Плотищи». Въ дер. Игнатовѣ, по преданію, была прежде церковь,

построенная на костяхъ убиенныхъ, т. е., вѣроятно, надъ братскою могилою. Почти на половинѣ пути отъ села Станилова до дер. Игнатова находится стоящее на холму село Красное, гдѣ церковь также, по преданію, стоитъ на костяхъ; наконецъ, выше Краснаго верстахъ въ двухъ, на лѣвомъ берегу Сити, есть деревня Юрьевская, а вблизи нея часовня, гдѣ, по народной молвѣ, цѣла доселѣ плита, подъ которой временно покоилось тѣло убиеннаго князя Юрія Всеволодовича. Быть можетъ, народная память и ошибается, но въ битвѣ на Сити было убито нѣсколько князей, тѣла ихъ не были впоследствии разысканы, какъ тѣло Юрія Всеволодовича, и подъ плитой близъ дер. Юрьевской, быть можетъ, дѣйствительно скрывается прахъ котораго-либо изъ убитыхъ князей.

Всѣ эти данныя заставляютъ предполагать, что татары обходнымъ движеніемъ зашли съ тылу къ обозу князя и принялись жечь и грабить монастырь и прилежанція укрѣпленныя мѣста въ Покровскомъ на Сити, Семеновскомъ, Великомъ Селѣ. Князь, получивъ о томъ извѣстіе и въ цѣляхъ обезпечить себѣ отступленіе передъ главною массою татаръ, наступавшею съ юго-запада, раздѣлилъ свои силы и тѣмъ ускорилъ свое пораженіе.

Трудность точныхъ заключеній по всѣмъ вопросамъ, касающимся опредѣленія мѣстности, гдѣ происходила битва, усугубляется спутанностью мѣстныхъ преданій и обиліемъ одинаковыхъ названій для урочищъ и деревень. Напримѣръ, названіе селенія Игнатова, гдѣ была церковь на костяхъ убиенныхъ, встрѣчается въ Моложскомъ уѣздѣ и на р. Сити въ трехъ различныхъ мѣстахъ: одно—въ верховьи Сити, въ волости Новотроицкой, близъ села Сысоева, другое—въ Станиловской у села Станилова, третье—въ нижнемъ теченіи Сити у села Семеновскаго.

Чрезвычайно жаль, что на происходившемъ въ прошломъ году въ Ярославлѣ областномъ археологическомъ съѣздѣ не было обращено вниманія на эту мѣстность, и что никто изъ нанихъ ученыхъ изыскателей не пожелалъ лично на мѣстѣ попытаться рѣшить загадочный вопросъ о мѣстѣ битвы, осмотрѣвъ расположеніе, ознакомившись съ именами живыхъ урочищъ и названіями селеній и деревень, прислушавшись къ народной молвѣ, собравши ходячія преданія и рассказы о прежнихъ находкахъ, произведя раскопки и не однихъ только кургановъ, какъ дѣлалось до сихъ поръ, но и старыхъ могильниковъ на мѣстахъ бывшихъ погостовъ, на церковницахъ.

До сихъ поръ ни одинъ изъ крупныхъ русскихъ историковъ не посѣщаль еще Сити отъ верховьевъ ея до устья съ цѣлью изученія мѣстныхъ физическихъ условій, собранія легендъ и археологическихъ розысковъ, направленныхъ къ опредѣленію мѣста битвы. Ни Карамзинъ, ни Соловьевъ, ни Костомаровъ, ни Иловайскій здѣсь не были. Погодинъ ограничился только поѣздкой къ Божонкамъ, Могилицамъ и въ Новотроицкую волость; Л. К. Ивановскій преслѣдовалъ въ своихъ изысканіяхъ, главнымъ образомъ, антрополого-этнографическія цѣли; изслѣдованія, производившіяся Е. И. Якушкинымъ, Н. П. Сабанѣевымъ, г. Вороновымъ, извѣстны лишь ограниченному кругу мѣстныхъ любителей старины. А. С. Гацисскій раскопокъ не производилъ совсѣмъ и такъ послѣшно преслѣдовалъ отъ «Родионовской» станціи жел. дор. къ д. Трезубову при впадении р. Сити въ р. Мологу, что ограничился лишь бѣглымъ очеркомъ внѣшняго вида и исторіи края, не останавливаясь на рѣшеніи насъ занимающаго вопроса.

Остается возложить надежды на предстоящій областной археологическій съѣздъ въ Твери. Авось-либо онъ отнесется къ моложской далекой старинѣ съ бѣльшимъ вниманіемъ.

Есть еще одно мѣстное преданіе, связывающее битву на рѣкѣ Сити съ названіемъ села Некоузъ, но, очевидно, недостовѣрное и явившееся какъ позднѣйшая попытка осмыслить странно и непонятно звучащее названіе села.

Разсказываютъ, что татары, разбивъ князя Юрія на Сити, разсыпались по окрестностямъ, грабя, сожигая селенія и забирая въ плѣнъ жителей. И вотъ, когда они приблизились къ мѣстности, гдѣ расположено теперь торговое село Некоузъ, они нашли здѣсь полное безлюдье, увидали, что «некому узъ» накладывать.

Изъ лѣтописей мы знаемъ, что татары дѣйствительно брали въ плѣнъ нѣкоторыхъ и склоняли ихъ измѣнить вѣру; такъ былъ взятъ въ плѣнъ племянникъ князя Юрія Василько Константиновичъ. Мѣстность подъ Некоузомъ лежала на пути обратнаго движенія татаръ отъ Сити. Это видно изъ того, что князь Василько за отказъ измѣнить вѣру былъ замученъ татарами въ Ширенскомъ лѣсу, на границѣ Угличскаго (Якимовская волость) и Романово-Борисоглѣбскаго уѣздовъ, гдѣ до сихъ поръ сохранилось названіе урочища Ширены и пустошь Васили. Но самый разсказъ преданія слишкомъ наивенъ и напоминаетъ позднѣйшій и еще болѣе простой домыслъ въ объясненіе слова «Некоузъ»: «Жиль-быль-де охотникъ, а у

него была собака «Нетка», и вотъ онъ травилъ ею звѣрей, приговаривая: «Нетка, усь!...» *)

Выше было уже сказано, что названіе Некоузъ очевидно производное отъ имени протекающей здѣсь рѣчки Некоузки; а по старинному Некузы, сходной по названію съ рѣчками въ Новотроицкой волости Паломзой и Нёсузой. Названіе села есть искаженіе того-же слова и произносится раз-но: Некузь, Некузъ, Некоузъ и даже Некузово.

Въ Любимскомъ уѣздѣ есть село со сходно звучащимъ названіемъ—Банеузъ-Ананасьевское.

V.

Велѣдъ за татарскимъ разгромомъ молодежскій край входитъ въ составъ удѣла св. князя Василія Всеволодовича ярославскаго, умершаго въ 1249 году, дочь котораго, княжна Марія Васильевна, вышла замужъ за удѣльнаго князя можайскаго, изъ отрасли князей смоленскихъ, Θεодора Ростиславича Чернаго, который, овдовѣвъ, женился во второмъ бракѣ на дочери знатнаго татарскаго князя и получилъ ярлыкъ на удѣлъ ярославскій. Какъ его, такъ и двухъ его сыновей Давида и Константина, церковь причислила къ лику святыхъ, и нетлѣнныя мощи ихъ почиваютъ въ Ярославлѣ, въ Спасскомъ монастырѣ.

Старшій сынъ Давида Θεодоровича ярославскаго, князь Василій, по прозванію «Грозныя очи», получилъ въ удѣлъ Ярославль и былъ женатъ на княжнѣ Евдокии Іоанновнѣ московской, дочери Іоанна Калиты. Второй сынъ, князь Михаилъ Давидовичъ, получилъ въ удѣлъ Мологу (1321 г.) и сталъ родоначальникомъ вѣтви князей молодежскихъ. Имъ оставлена въ наслѣдье Мологѣ мѣстная святыня—чудотворная икона Тихвинской Божіей Матери, находящаяся нынѣ въ женскомъ Ананасьевскомъ монастырѣ. Князь ярославскій Василій

*) По другому варианту послѣдняго разсказа случай этотъ былъ съ княземъ, погибавшимъ отъ напавшаго на него медвѣдя, отъ котораго онъ спасся, натравивъ на него собаку „Неку“. — „Нека, усь!“ кричалъ онъ, и въ память своего спасенія выстроилъ церковь и основалъ селеніе, названіе имъ „Некоузъ“.

Недавно пришлось намъ слышать отъ одного изъ мѣстныхъ интеллигентовъ предположеніе, что Некоузъ былъ основанъ какимъ-то знатымъ иностранцемъ, назвавшимъ его „Нейгаузъ“; но за эту гипотезу также мало имѣется данныхъ, какъ и за объясненіе названія села Брейтова фамиліей „Брейткопфъ“. Известно, что имя Брейтова встрѣчается въ памятникахъ XVI столѣтія, тогда какъ землевладѣльцы Брейткопфы появились въ молодежскомъ краю лишь въ началѣ XIX вѣка.

Васильевичъ, сынъ Басилія «Грозныя очи», и князь молодежскій Ѳеодоръ Михайловичъ, сынъ Михаила Давидовича, сопутствовали въ походахъ, въ качествѣ подручныхъ князей, Димитрію Донскому въ 1375, 1380 и 1386 г.г. Подъ конецъ жизни Ѳеодоръ постригся въ монахи подъ именемъ Ѳеодорита. Послѣ его смерти, въ 1408 году, молодежскій удѣлъ былъ подѣленъ между его сыновьями: князь Димитрій получилъ Мологу, Семень (въ инокахъ Серапіонъ)—Сить, Иванъ—Прозорово, а племянникъ Ѳеодоръ Ивановичъ—Шуморово. Отсюда пошли князья Ситскіе, Прозоровскіе и Шуморовскіе.

Такъ-же, какъ ранѣе, р. Сить была гранью между ростовско-суздальскими и новгородскими владѣніями; такъ, впоследствии, въ московскомъ періодѣ, она стала гранью между московскимъ и тверскимъ княжествами. Извѣстно, что во второй половинѣ XIV вѣка въ Мологѣ была крѣпость, которая въ 1371 г. взята была тверскимъ княземъ Михайломъ Александровичемъ. Мѣстность примоложская сохраняла свой торгово-порубежный характеръ и тогда, и гораздо позже.

Извѣстно, что нѣсколько выше впаденія р. Сити съ незапамятныхъ временъ существовала знаменитая ярмарка въ такъ называемомъ Холопьемъ Городкѣ (въ отличіе отъ Бяжичь-Городка на р. Шекснѣ.*) Здѣсь сѣзжались торговцы съ запада и востока; сѣверные инородцы привозили мѣха, арабскіе и персидскіе кушцы—сабельные клинки, новгородцы и суздальцы обмѣнивались товарами.

Мѣстность, гдѣ была эта ярмарка, и до сихъ поръ сохраняетъ названіе Старого Холопя. Здѣсь видны остатки старинныхъ земляныхъ валовъ и укрѣпленій, и попадались интересныя находки старинныхъ монетъ римскихъ и арабскихъ. Но капризное русло р. Мологи оставило свое прежнее ложе, обходившее длиною лукою урочище Старое Холопье, слѣды чего ясно видны въ продолговатомъ и изогнутомъ дугою озерѣ Видинскомъ, и разрѣзало остатки укрѣпленій на двѣ части, причемъ въ значительной мѣрѣ уничтожило ихъ, смывъ безслѣдно. Теперь на лѣвомъ берегу видно около трети земляного насыпного укрѣпленія съ тремя подножіями башенъ по угламъ, а на правомъ—остатки вала, на которомъ стоитъ цер-

*) Стоитъ-ли упоминать, что преданіе объ основаніи Холопяго Городка возмущившимися холопами во время похода господъ на Литву не имѣетъ за собой серьезныхъ основаній и принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ „бродячихъ легендъ“.

ковъ и село Борисоглѣбъ (усадыба графа А. А. Мусина-Пушкина *).

Въ XIV вѣкѣ торгъ у Холожня былъ настолько значителенъ, что въ казну князя поступало пошлинъ ежегодно до 180 пудовъ серебра.

При Василии I весь этотъ край считался уже во владѣніи Москвы.

Иванъ III отдалъ Холожье Городице и Мологу въ удѣлъ сыну своему Дмитрію и перевелъ самую ярмарку къ устью рѣки Мологи на боронишинскій лугъ, гдѣ, по сосѣдству, основался и мужской монастырь, слывшій «Холожьимъ».

По преданіямъ, и здѣсь торгъ былъ значительный, и рѣка Молога заставлялась судами такъ, что можно было переходить съ одного берега рѣки на другой по судамъ, какъ по мосту. Съ того-же времени Молога слыветъ «пьяною», вѣроятно, потому, что гдѣ торгъ, тамъ была и гульба.

Начиная съ царствованія Ивана Грознаго, край утрачиваетъ свой порубежный, окраинный характеръ, становится служебной частью Московскаго государства. Сюда выселяютъ изъ Москвы мастеровой людъ, ткачей-хамовниковъ (сѣла Брейтово и Черкасово), рыбаковъ въ Рыбную слободу и слободу Мологу; здѣсь устраиваются соляныя варницы (въ слободѣ Горькой Соли и въ урочищѣ Городищи, близъ р. Нушмы, въ Боронишинской волости), гдѣ и до сихъ поръ видны слѣды трубъ, черезъ которыя добывался разсолъ.

Въ смутную эпоху этотъ край много потерпѣлъ разоренія отъ мятежныхъ казаковъ и поляковъ, заглядывавшихъ сюда по Волгѣ.

Преданіе говоритъ, что знаменитая ярмарка, бывшая сначала въ Холожьемъ Городкѣ, потомъ на боронишинскомъ лугу подъ Мологой, около этого времени захудала, а въ 1654 г., устранившая чумой, и вовсе прекратилась. Торгъ перешелъ частью въ Весь Ягонскую, частью въ Ростовъ, а главнымъ образомъ — далеко на востокъ, вслѣдъ за отодвинувшейся границей Русскаго государства, сначала въ Казань на Арское поле, потомъ въ Василь-Сурскъ, затѣмъ въ Макарьевъ на Желтыя Воды и наконецъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ существуетъ и до сихъ поръ. Холожий монастырь подъ

*) Мѣстность Холожняго Городка была осмотрѣна лѣтомъ 1900 года Л. Н. Трефолевымъ въ сопутствіи съ авторомъ этой статьи, причемъ констатированъ былъ несомнѣнно насыпной характеръ остатковъ земляныхъ укрѣжденій, и высказывалось желаніе посвятить производствомъ раскопокъ, пока ежегодныя разливы рѣкъ совсѣмъ не уничтожатъ этотъ цѣнный памятникъ глубокой старины.

Мологой былъ упраздненъ вскорѣ послѣ 1678 г., за отобраніемъ у него земель въ казну. Женскій Анастасьевскій монастырь возобновленъ на его мѣстѣ въ 1795 году. Неизвѣстно, когда были упразднены другіе монастыри въ предѣлахъ уѣзда: въ селѣ Веретеѣ, на р. Камѣ и въ дер. Игнатовѣ.

На-ряду съ упраздненіемъ и оскудѣніемъ монастырей, съ церковными реформами, исправленіями богослужебныхъ книгъ и новшествами патріарха Никона, повсемѣстно разлившаяся волна шатаній и колебаній вѣры великимъ расколомъ и малыми разнородными сектами докатилась и до Мологшескинскаго края.

Всѣ видоизмѣненія мѣстнаго раскола невозможно опредѣлить теперь, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ.

Наиболѣе яркій слѣдъ замѣтенъ въ предѣлахъ Копорьевской и Городецкой волостей, гдѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка особенно сильно держалась секта «бѣгуновъ» или «странниковъ», толка безоповщины, филипповскаго согласія. Центромъ этихъ сектантовъ было селеніе съ многоговорящимъ названіемъ «Іерусалимъ», на островѣ, образуемомъ старымъ протокомъ Шексны—Глушицей или Глухой Шексною и новымъ русломъ—Простью.

Іерусалимскіе бѣгуны имѣли связи съ единомышленниками своими въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, въ Пошехонскомъ уѣздѣ, въ селѣ Сонѣлахъ Ярославскаго уѣзда и далѣе въ костромскихъ и семеновскихъ лѣсахъ.

Несомнѣнно, что въ эпоху отъ смутнаго времени и до царствованія императора Петра I сектантство было распространено въ моложскомъ краѣ гораздо шире, и слѣды его замѣтны на разныхъ окраинахъ уѣзда.

VI.

Новая жизнь, новыя задачи предстояли этому краю, ставшему центральнымъ въ государствѣ Петра I и встрепенувшемуся всей наиспособнѣйшей частью своего населенія на мощный призывъ къ работѣ Царя-Преобразователя. Неутомимый труженикъ на тронѣ, какъ истинный хозяинъ, самъ хотѣлъ знать всё, заглянуть своимъ хозяйскимъ окомъ во всё дѣла своего обширнаго, но не устроеннаго еще такъ, какъ ему хотѣлось, царства.

Былъ онъ и здѣсь, въ Моложскомъ уѣздѣ, осматривалъ старинный протокъ Шексны—Пушму, плановалъ соединеніе каналомъ Шексны и Мологи въ той мѣстности, гдѣ весной

разливы, обѣихъ рѣкъ сливаются (въ верховьяхъ рѣчекъ Шуйга и Мыли, близъ села Наволока-Подсосенья),—рѣшилъ поселить иностранныхъ шкиперовъ и плотниковъ въ сельцѣ Иловнѣ (нынѣ усадьба графа А. А. Мусина-Пушкина), чтобы они обучили побережное население судостроенію и управленію судами. Памятью этой царской заботы является судостроительный промыселъ волостей: Прозоровской, Брейтовской, Покровско-Ситской, Янской, Леонтьевской, Иловенской и Борошнической.

Не смотря на замѣчающійся упадокъ судостроенія, объясняемый вздорожаніемъ лѣса и уменьшеніемъ торговаго движенія по Тихвинской рѣчной системѣ, и въ настоящее время это, наиболѣе распространенный промыселъ въ Моложемскомъ уѣздѣ. Цѣлый рядъ селеній и масса крестьянскихъ семействъ живутъ и кормятся имъ, за неимѣніемъ на мѣстѣ другихъ заработковъ и вслѣдствіе скудости земли, ежегодно подтапливаемой полою водою.

Наибольшее развитіе судостроенія послѣдовало вслѣдъ за «эпохою великихъ реформъ». Съ одной стороны, лѣсной матеріалъ понизился въ цѣнѣ отъ увеличенія предложенія, вслѣдствіе массовой продажи владѣльцами лѣсовъ на срубъ, съ другой—оживилось торговое движеніе съ расширеніемъ личныхъ правъ населенія.

Не мало крупныхъ состояній было въ это время нажито судовщиками-подрядчиками въ кулижскихъ деревняхъ Борошнической волости, въ Иловенской, Леонтьевской, Брейтовской и Прозоровской волостяхъ. Путешествующіе на пароходѣ по Мологѣ и теперь любятъ двухъэтажными избами съ желѣзными крышами и различными затѣйными украшеніями въ побережныхъ селеніяхъ. Это все домъ судостроителей-подрядчиковъ.

Въ настоящее время въ предѣлахъ Моложскаго уѣзда ежегодно строятся около 1000, съ небольшимъ, разнаго рода судовъ съ грузоподъемностью, приблизительно, въ 14.000,000 пудовъ.

Наиболѣе распространенный типъ постройки: «полулодки», суда прочной конструкціи, представляющія изъ себя хлѣбную баржу малаго размѣра, для прохода по «системѣ», т. е. по Маріинскому водному пути.

За ними, по количеству, слѣдуютъ «маріинки», суда болѣе простѣйшаго типа, подъ дрова, плавающія не болѣе одной-двухъ «путинъ» до Петербурга и тамъ разламываемыя на дрова-же.

По особымъ заказамъ строятся и болѣе хитрыя «посудины»: «берлинки», «унжаки» (по мѣстному произношенію «вунжаки» и даже «лунжаки»), «тихвинки», а также и парходные «конторки»—пристани.

Населеніе забыло, кто былъ первымъ основателемъ судостроительнаго промысла, и не знаетъ, что оно обязано благодарностью «великому кормчему земли Русской», «работнику на тронѣ», «царю-преобразователю», славное имя котораго оказывается въ началѣ всего лучшаго изъ существующихъ порядковъ и устройствъ.

По кончинѣ Петра I, обширныя монастырскія земли, отобранныя въ казну, попали какимъ-то таинственнымъ путемъ во владѣніе всесильнаго тогдашняго временщика, князя Александра Даниловича Меншикова, но не долго онъ ими пользовался, и вслѣдъ за его паденіемъ и ссылкой онѣ опять зачислены за казной. Часть этихъ земель въ количествѣ свыше 7000 десятинъ, по просьбѣ жителей слободы Мологи, дарована была во владѣніе слобожанъ-мѣщанъ императрицею Елизаветою Петровною. Тогда-же получили по Шекснѣ рѣкѣ въ Моложскомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ сподвижники восшествія ея на престолъ свои лейбъ-кампанскіе надѣлы.

Въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы богатая «хамовщина»—сѣла Брейтово и Черкасowo—подарены были государыней Ивану Ивановичу Шувалову, извѣстному меценату, другу и покровителю Ломоносова, устроившему по плану даровитаго холмогорскаго рыбака московскій университетъ. Вислѣдствіи брейтовская вотчина перешла во владѣніе сестры бездѣтнаго Шувалова, княгини Голицыной, а затѣмъ въ родъ Зиновьевыхъ, по какимъ путемъ, по наслѣдству или продажею,—неизвѣстно.

Въ 1767 году по Волгѣ, мимо Мологи, прослѣдовала на гребной галерѣ императрица Екатерина II.

Въ 1777 году слобода Молога обращена въ уѣздный городъ Ярославскаго намѣстничества.—Въ 1798 году Моложскій уѣздъ посѣтилъ Императоръ Павелъ Петровичъ; въ гор. Мологѣ онъ почеваль въ домѣ городничаго Глѣбова, въ дер. Дубцѣ завтракалъ и бесѣдовалъ съ владѣльцемъ села Боронишина—Горихвостовымъ, въ Брейтовѣ обѣдалъ и былъ потревоженъ жалобой крестьянъ на притѣсненіе со стороны сосѣдняго помѣщика *).

*) Подробное обстоятельное описаніе этого слѣдованія императора Павла I въ предѣлахъ Ярославской губерніи составлено на основаніи документальныхъ архивныхъ данныхъ Л. Н. Трезолевымъ и напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 г. (Годъ VIII-й, стр. 293—326).

Во времена императора Николая I казенные крестьяне, составляющіе населеніе волостей Некоузской, Веретейской, Покровско-Ситской, Брейтовской (вотчина была продана въ казну Зиновьевымъ), частью Новотроицкой, Боронининской и Грязливецкой, были устроены подъ управленіемъ особыхъ окружныхъ начальниковъ и, по народному преданію, благоденствовали, въ особенности въ то время, когда министромъ государственныхъ имуществъ былъ гуманный и просвѣщенный графъ Павелъ Дмитриевичъ Киселевъ (1838—1856 г.г.). Въ это время были устроены первые по времени въ уѣздѣ начальныя народныя училища, съ цѣлью готовить волостныхъ писарей, въ селахъ Брейтовѣ, Покровскомъ на Сити, Некоузѣ и въ дер. Дубравѣ. До сихъ поръ въ селѣ Некоузѣ есть старожилы, окончившіе курсъ въ такой школѣ.

Одною изъ первыхъ начальныхъ школъ, устроенною мѣстными помѣщиками, была школа въ Новотроицкой волости, въ имѣніи Г. П. Геннади.

Первою школой, открытой на средства мѣстнаго земства, была школа въ селѣ Покровскомъ на Шекснѣ, устроенная по инициативѣ мѣстнаго священника о. Флегонта Морева и номѣщицы г-жи Грузинской.

Во время введенія въ дѣйствіе «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ» въ Моложскомъ уѣздѣ существовали всего-навсего четыре начальныя народныя училища; въ настоящемъ же 1902 году однихъ земскихъ училищъ 58, свыше 40 церковно-приходскихъ школъ и пять училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ предѣлахъ Моложскаго уѣзда находится Новинская учительская семинарія, изъ которой за послѣднее время выпущено значительное количество начальныхъ учителей, вышедшихъ изъ крестьянской среды.

Вообще успѣхи просвѣщенія въ Моложскомъ уѣздѣ, какъ и во всей Ярославской губерніи, ясно замѣтны, и грамотность населенія за послѣднія 20—25 лѣтъ значительно повысилась.

Чрезвычайно характерно и симпатично, что народная школа преуспѣваетъ въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она завелась раньше всего. Лучшія школьныя зданія возводятся тамъ, гдѣ, напримѣръ, волостной старшина оказывается окончившимъ курсъ въ этой самой школѣ.

Въ особенности по постановкѣ дѣла народнаго образованія выдѣляются волости Боронининская, Веретейская, Некоузская и Брейтовская.

Въ уѣздѣ существуетъ въ настоящее время 8 народныхъ бесплатныхъ библіотекъ. Въ торговыхъ селахъ Некоузѣ и Брейтовѣ идутъ народные спектакли съ участіемъ исполнителей изъ крестьянской среды. Въ селахъ Брейтовѣ и Покровскомъ на Сити предположено выстроить особыя зданія народныхъ аудиторій, въ которыхъ могли-бы происходить концерты, чтенія и спектакли.

VII.

Изъ Моложскаго уѣзда произошло не мало замѣчательныхъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ общественной жизни.

Мы назовемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ заслуживающихъ наибольшаго вниманія.

Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, владѣлецъ села Иловны, извѣстенъ какъ библіофилъ и археографъ; онъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода, президентомъ академіи художествъ, членомъ Россійской академіи и сенаторомъ.

Онъ родился 16-го марта 1744 года и былъ женатъ на княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Волконской.

По должности оберъ-прокурора, онъ имѣлъ возможность широкой рукой черпать изъ богатыхъ монастырскихъ архивовъ и книгохранилищъ. Какъ любитель старины, онъ скуналъ также интересныя книги и рукописи; такъ, напр., онъ купилъ у библіографа Соникова всѣ бумаги Крѣкшина о Петрѣ I.

Собраніе его рукописей, книгъ и вообще памятниковъ старины было очень значительно и, открытое для всѣхъ членовъ Московскаго общества исторіи и древностей, послужило матеріаломъ для многихъ изслѣдованій по русской исторіи, въ томъ числѣ и для «Исторіи Государства Россійскаго» Н. М. Карамзина. Къ сожалѣнію, «собраніе» это въ бѣльшей части сгорѣло во время московскаго пожара 1812 г., и осталось лишь то немногое, что было въ помѣстьяхъ Мусина-Пушкина.

Онъ открылъ и издалъ нѣсколько важнѣйшихъ памятниковъ прошлаго: «Слово о полку Игоревѣ», древнѣйшій списокъ Лаврентьевской лѣтописи (такъ-называемый Никоновскій), новыя списки Ярославовой Русской Правды и Завѣщанія Владиміра Мономаха. Въ послѣдніе дни жизни императрицы Екатерины II онъ пожертвовалъ въ Императорскую библіотеку хорошо сохранившійся экземпляръ «Книги большого чертежа».

Кромѣ изданія старинныхъ рукописей, А. И. Мусинъ-Пушкинъ напечаталъ нѣсколько самостоятельныхъ изслѣдованій: «Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмутараканскаго княженія», 1794 г.; «Историческое замѣчаніе о началѣ и мѣстоположеніи древняго Россійскаго такъ-называемаго Холопья Города», 1810 г.; «Примѣчаніе на древніе мѣсяцесловы».

Императоръ Павелъ I возвелъ Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина въ графское достоинство 5-го апрѣля 1797 г., и онъ является родоначальникомъ нынѣ существующей отрасли графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ.

Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ скончался 1-го февраля 1817 года.

Троюродный братъ предыдущаго, графъ Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ (род. 1730 г., умеръ 1817 г.), былъ при императрицѣ Екатеринѣ II посланникомъ въ Лондонъ и Стокгольмъ; много содѣйствовалъ введенію въ Россію оспопрививанія; женатъ былъ два раза: на графинѣ Софій Алексѣевнѣ Вахтмейстеръ и на графинѣ Елизаветѣ Ѳедоровнѣ Вартенслебенъ. Графское достоинство получилъ онъ отъ австрійскаго императора Іосифа II 3-го іюля 1779 г. Онъ умеръ бездѣльнымъ, и родъ его пресѣкся.

Родные братья его Александръ и Клавдій Семеновичи Мусины-Пушкины принимали участіе въ изданіи перваго провинціального повременнаго журнала «Уединенный Пошехонецъ».*)

Неизвѣстно, къ какой именно отрасли рода Мусиныхъ-Пушкиныхъ принадлежала Аграфена Михайловна, по мужу Дмитревская, супруга знаменитаго актера Елизаветинскихъ временъ и одна изъ первыхъ по времени русскихъ актрисъ, принятая на сцену въ 1756 г.; но есть основаніе предполагать, что отецъ ея Михаилъ Мусинъ-Пушкинъ служилъ въ Мологѣ судьей въ первой половинѣ XVIII вѣка.**)

Владѣлецъ села Боронишина, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ города Мологи, Дмитрій Петровичъ Горихвостовъ, извѣстенъ какъ человекъ просвѣщенный, гуманный; онъ былъ масономъ и пожертвовалъ значительныя средства на различныя благотворительныя цѣли. Въ 1832 г. пожертвовано имъ

*) См. статьи Л. Н. Трефолева въ „Русск. Арх.“ и „Сѣв. Краѣ“.

**) Объ этомъ въ непродолжительномъ времени будетъ напечатано изслѣдованіе авторомъ настоящей статьи.

было 516,000 рублей ассигн. для устройства дома бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія, въ 1836—1837 г.г. — 462,000 руб. ассиг. на заведеніе для неизлѣчимо-увѣчныхъ, въ 1838 г. — 150,000 для московской военной богадѣльни и 200,000 на дѣтскую больницу, въ 1845 году — 5000 руб. на устройство церкви въ главной московской лѣчебницѣ, 175,000 руб. въ пользу медико-фармацевтическаго общества призрѣнія вдовъ и сиротъ врачей и множество другихъ пожертвованій московскому университету, богадѣльнямъ, попечительствамъ и проч.

Въ молодости Дмитрій Петровичъ, выйдя въ отставку изъ военной службы (онъ былъ офицеромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка), много путешествовалъ по Европѣ, а въ эпоху великой французской революціи былъ въ Парижѣ.

Имъ изданы были его путевыя записки: «Письма россиянина, путешествовавшаго по Европѣ», Моск., 1808 г., 2 т.; и «Записки россиянина, путешествовавшаго по Европѣ», Москва, 1831 г., 2 т. Книжки эти, весьма интересныя по содержанію, нынѣ стали библиографическою рѣдкостью.

Въ селѣ Верхне-Никульскомъ Марьинской волости, Моложскаго уѣзда, родился (1801 г.) въ семьѣ крѣпостнаго крестьянина Федоръ Григорьевичъ Солнцевъ, будущій академикъ, извѣстный живописецъ и археологъ. Замѣчательно, что семья Солнцевыхъ, изъ которой онъ происходилъ, несомнѣнно представляетъ собою отрасль князей Солнцевыхъ, происходившихъ по прямой линіи отъ Рюрика и какъ-то утратившихъ свое княжеское достоинство. До сихъ поръ въ Моложскомъ уѣздѣ и городѣ Мологѣ есть крестьяне и мѣщане, принадлежащіе къ этому роду.

Ф. Г. Солнцевъ обучался въ Императорской академіи художествъ, окончилъ курсъ въ 1827 г. Извѣстны его картины: «Крестьянское семейство», «Кесарево Кесарю, а Божіе Богови», «Встрѣча великаго князя Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ» и друг. Какъ археологъ и археографъ, Ф. Г. Солнцевъ извѣстенъ своими изслѣдованіями и работами по исторіи древнихъ памятниковъ русскаго искусства и культуры.*)

Изъ числа русскихъ замѣчательныхъ писателей-современниковъ изъ Моложскаго уѣзда происходитъ извѣстный дра-

*) См. статья Н. Собко: „Ф. Г. Солнцевъ и его художественно-археологическая дѣятельность“ („Вѣстн. изящныхъ искусствъ“, т. I, стр. 471), а также записки самого Ф. Г. Солнцева: „Моя жизнь и художественно-археологическія труды“ („Русская Старина“ 1876 года, № 1—6).

матургъ Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ, авторъ бойкой и оценичной комедіи «Свадьба Кречинскаго». Въ бывшемъ помѣстьи Сухово-Кобылина, селѣ Новомъ, Новотроицкой волости Моложскаго уѣзда, находится въ настоящее время Новинская учительская семинарія.

Изъ крестьянъ Боронишинской волости и бывшихъ учениковъ боронишинскаго земскаго училища пріобрѣлъ извѣстность Л. Н. Блиновъ, академикъ, художникъ-маринистъ.

За двадцать лѣтъ жизни въ предѣлахъ Моложскаго уѣзда автору настоящаго очерка возможно было близко наблюдать развитіе и ростъ образовательнаго и умственнаго уровня населенія, и онъ счастливъ тѣмъ, что можетъ засвидѣтельствовать несомнѣнные и крупныя успѣхи.

На глазахъ его во многихъ мѣстахъ уѣзда въ населенныхъ пунктахъ появлялись новыя зданія сельскихъ училищъ, подымались какъ свѣтлыя фонарики надъ темнымъ моремъ народной массы. Проходили годы, училища ежегоднымъ выпускомъ облакали окрестность сѣткой свѣтлыхъ нитей, и ясно, замѣтно для наблюдателя повышался образовательный уровень. Авторъ можетъ назвать десятки именъ лицъ, на его глазахъ вступившихъ въ начальную школу и ступень за ступеню переходившихъ выше и выше, достигшихъ окончанія курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: институтѣ путей сообщенія, въ технологическомъ институтѣ, въ учительскомъ институтѣ; еще большее число достигло средне-образовательнаго уровня: окончили курсъ реального училища, техническихъ или мореходныхъ училищъ, учительской семинаріи.

Несомнѣннымъ признакомъ вліянія начальной школы слѣдуетъ считать замѣтное смягченіе нравовъ, успѣхи общественной жизни въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ школы существуютъ давно.

Народныя бібліотеки, народныя спектакли, чтенія съ свѣтовыми картинами, появленіе жертводателей на просвѣтительныя цѣли—все это не имѣло-бы почвы безъ предварительнаго распространенія грамотности, безъ расширенія умственнаго горизонта учащихся путемъ общаго развитія.

Послѣднее время начинаютъ раздаваться голоса, требующіе устройства профессиональныхъ классовъ при училищахъ для обученія мастерствамъ, ремеслу, сельскому хозяйству. Привѣтствуемъ это новое благое начинаніе, но не можемъ не выразить пожеланія, чтобы введеніе новыхъ отраслей знанія и умѣнья не отразилось-бы сокращеніемъ времени, посвящаемаго основнымъ начаткамъ знанія, грамотности и общаго развитія;

пожелаемъ прежде всего успѣха этой сторонѣ дѣла народнаго образованія. Быль-бы ясно понимающій, освѣщенный и разумъ, и «вся прочая приложится»....

Можно предвидѣть время, когда Моложскій уѣздъ утратитъ въ значительной степени разнообразіе и настоящую пестроту населенія, выигравъ, взаменъ того, въ отношеніи умственнаго развитія и распространенія просвѣщенія.

Но что останется неизмѣннымъ—это разнообразіе внѣшней природы уѣзда. По прежнему въ мѣстности между Мологой и Шексной будутъ развертываться многочисленныя поѣмныя сѣнокосы, раздѣляемые низкими мѣстами, поросшими кустарникомъ; въ болѣе возвышенной юго-западной части уѣзда будутъ округляться холмы, покрытые пашней и мѣстами живописно одѣтые кущами чернолѣсья. Врядъ-ли только сохранится много мѣстностей, покрытыхъ гигантами краснолѣсья: не жалѣютъ ихъ ни хозяйская рука, ни такъ часто повторяющіеся лѣсные пожары.

Надо надѣяться, что дальнѣйшій культурный ростъ края найдетъ новыя примѣненія энергіи и не въ одномъ только отхожемъ заработкѣ, но и въ развитіи мѣстныхъ промысловъ; на что указываетъ появленіе въ верхнемъ приволжьи заводско-промышленныхъ предпріятій.

Для края необходимо нужны улучшенныя пути сообщенія, которыя связали-бы его съ центрами и окраинами и возвратили-бы прежнее значеніе мѣстности, лежащей на бойкомъ торговомъ перекресткѣ. Проведеніе Сѣверной желѣзной дороги изъ Петербурга на Вятку тогда только окажетъ свое благотворное вліяніе на примоложскую мѣстность, когда будетъ урегулирована и измѣнена Тихвинская рѣчная система, въ особенности если-бы проектъ мстинско-моложскаго канала получилъ осуществленіе.

Еще желательнѣе узловая линія желѣзной дороги отъ Устюжны и Весеьгонска къ Рыбинску черезъ гор. Мологу или хотя-бы отъ Череповца къ Рыбинску, съ мостомъ у села Каменника.

Улучшеніе грунтовыхъ дорогъ—дѣло земства, которое уже и приступило къ частичному посеву и замощенію некоузско-моложскаго подъѣзднаго пути, идущаго до станціи «Харино» московско-виндаво-рыбинской желѣзной дороги.

Семенъ Мусинъ-Пушкинъ.

